

КАЗАНСКОЕ ХАНСТВО В РУССКИХ ЛЕТОПИСЯХ

Рецензия на книгу: Аксанов А. В. Казанское ханство и Московская Русь : Межгосударственные отношения в контексте герменевтического исследования. Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 288 с.

В последнее время исследователи начинают понемногу избавляться от методологии, которую можно условно обозначить как «прямолинейный позитивизм». Примером попытки критического подхода к тексту источника может служить монография кандидата исторических наук Анвара Васильевича Аксанова, старшего научного сотрудника Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М. А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, вышедшая в 2016 г. в серии «История и культура Золотой Орды и татарских ханств».

Автор решил подойти к русским летописям с позиций герменевтического анализа, применив методику, успешно апробированную И. Н. Данилевским¹. (Данилевский является одним из рецензентов книги, что придает ей дополнительную весомость.) Автор книги выяснял, что можно «разглядеть» сквозь завесу летописного текста; проще говоря, он захотел разобраться, что было «на самом деле», и как это «на самом деле» преобразилось в умах летописцев в стройные концепции средневекового источника.

Во введении к своей работе автор заявляет, что «в настоящем исследовании впервые предпринята попытка рассмотреть сообщения о казанско-московских отношениях с помощью методов герменевтики и на основании подробного текстологического анализа. Данный научный подход позволяет раскрыть смысловую нагрузку известий, избежать модернизации исторических явлений и верифицировать результаты предшествующих исследований» (с. 6). Далее автор отмечает, что «на современном этапе развития исторической науки все еще идет процесс переосмысления дореволюционного и советского наследия... В работах последних лет повторяются ошибки предшествующей историографии» (с. 7). Как итог, автор намеревается «представить научно-адекватный взгляд на историческую действительность» (с. 7).

Насколько структура работы адекватна данному замыслу? Глава 1 традиционно для российской историографии рассматривает источники и литературу, вторая глава называется «Становление казанско-московских отношений (1445–1487 гг.)», третья глава озаглавлена как «Казанско-московские отношения в 1487–1521 гг.: от союза к противостоянию», четвертая – «Межгосударственные отношения в годы правления крымских и касимовских ханов в Казани (1521–1549 гг.)», пятая – «Падение Казани (1549–1552 гг.)». Перед нами реконструкция политической истории московско-казанских отношений. Исходя из структуры книги, ее автор

не ставил своей целью «попытку рассмотреть сообщения о казанско-московских отношениях с помощью методов герменевтики и на основании подробного текстологического анализа». В противном случае структура работы должна была бы быть иной. Мы же видим попытку «представить научно-адекватный взгляд на историческую действительность», то есть структура текста автора ближе к традиционному позитивистскому исследованию.

Об этом же говорит нам и название самой работы – «Казанское ханство и Московская Русь: Межгосударственные отношения в контексте (курсив мой. – Б. Р.) герменевтического исследования». Герменевтика здесь идет именно как контекст. Однако автор смешал две трудновосприимчивые цели – текстологический анализ и желание реконструкции исторической действительности. Последнее почти противоречит первому, и это сказалось на всем тексте исследования. Не до конца ясно, что же все-таки делает автор – реконструирует историческую действительность или занимается текстологией летописей? То, что увидел автор данной рецензии – это попытка извлечь из текста летописей ту информацию, которая ведет нас к «объективной реальности» сквозь дебри летописных известий.

Подтверждает эти мысли анализ заключительных пассажей к каждой главе и «Заключение» в целом. Они содержат реконструкцию политической истории московско-казанских отношений и истории Казанского ханства, как она видится автору книги исходя из текстологического анализа летописных известий, но не выводы непосредственно по текстологическому анализу летописных известий. Напрашивается вывод, что основная цель автора – реконструкция политических реалий взаимоотношений двух государств при помощи методов герменевтики и текстологического анализа, но не герменевтика и текстологический анализ летописных известий как таковые. При этом автор чужд крайностей позитивистских реконструкций.

Общая схема построения основной части работы А. В. Аксанова следующая. Сначала приводится факт или набор фактов, затем дается его интерпретация авторами исследований – историками, после этого дается текстологический анализ разных летописей в отношении данного известия (как оно интерпретировалось различными летописцами и чему из этого можно верить, а чему не стоит). Иногда в этой схеме автор делает перестановки (текстологический анализ перемежается историографией). В целом повествование идет в хронологическом порядке как политическая история, реконструированная на

основе сообщений летописей. Периодически в эту «позитивно-летописную» реконструкцию вкрапляются данные других видов источников (сообщения иностранцев, посольские документы, разрядные книги). Автор пытается понять, что из летописных известий подтверждается «независимыми» источниками, а что – нет.

Во вводной историографическо-историографической главе автор пишет, что «на протяжении веков историки, руководствуясь разными оценочными принципами, пытались достичь общей цели – реконструировать московско-казанские отношения» (с. 36). При этом они, «подчас не аргументируя свой выбор, отдавали предпочтение сообщениям то одного, то другого свода. Так, например, Н. М. Карамзин, К. В. Базилевич, А. Г. Бахтин и Д. А. Котляров опирались в основном на известия великокняжеского летописания, а С. М. Соловьев, М. Г. Худяков и С. Х. Алишев, пытаясь опровергнуть некоторые устоявшиеся положения, делали ставку на Новгородские и Устюжские летописи» (с. 36). По мнению автора, это происходило потому, что «многие наши предшественники работали, следуя установкам ... объективистско-позитивистской парадигмы» – «моделированию... единственно возможного прошлого», то есть реконструировали объективную картину исторической действительности (с. 37). Этими позитивистскими историками «источник воспринимался ... как хранилище фактов, которые можно выделить с помощью критического метода» (с. 37). А. В. Аксанов заключает: «... едва ли стоит говорить о возможности объективно реконструировать ход московско-казанских отношений. В связи с этим в основе нашего изыскания лежит иной принцип научного анализа, согласно которому *в основе исторического познания находится понимание источника* (курсив мой. – Б. Р.). Иначе говоря, наши усилия направлены на изучение картины московско-казанских отношений посредством реконструкции исторической репрезентации событий» (с. 37–38).

Но такое «направление усилий» есть не что иное, как та самая позитивистская парадигма, против которой столь последовательно выступает автор книги. Непонятно, автор пытается понять источник или изучает картину московско-казанских отношений? Второе без первого невозможно, а вот первое без второго вполне возможно. Здесь важен акцент исследования, который, исходя из этой части текста, мне остался непонятным. Охарактеризованный на с. 47–49 комплекс источников исследования А. В. Аксанова также больше подходит для «реконструкции объективной реальности», но не для герменевтического анализа летописных текстов.

В целом, критически относясь к трудам своих предшественников, автор при этом постоянно опирается на историографию вопроса (в основном русскоязычную), приводя достаточно

обширные цитаты из текстов предыдущих исследователей. Он как бы дискутирует с ними, показывая, кто и в чем был прав, а кто – неправ. Я бы не видел смысла опровергать все предыдущие версии на страницах книги. Это сильно усложняет восприятие текста книги.

При этом удивляет выборочность в изучении иностранной (да и не только) историографии вопроса. В частности, автор не упомянул диссертацию Э. Кинана, хотя он знает об ее существовании. Не указана также важная для темы исследования А. В. Аксанова работа Ярослава Пеленски «Россия и Казань: Завоевание и имперская идеология (1438–1560-е гг.)»².

В некоторых случаях автор использует спорные тезисы известных авторов без каких-либо дополнительных аргументов в их пользу, чем делает свой текст уязвимым для критики (например, тезис А. А. Зимина и А. Л. Хорошкевич о том, что «венчание уравнивало статус Ивана IV с казанскими и астраханскими ханами» (сноска 151 на с. 194)). Некоторые пассажи автора вызывают недоумение. К примеру, А. В. Аксанов пишет, что К. В. Базилевич³ «использовал практически ту же источниковую базу, что и М. Г. Худяков» (с. 19). Худяков реконструировал историю Казанского ханства в основном по русским летописям (вслед за В. В. Вельяминовым-Зерновым). К. В. Базилевичем был привлечен широкий круг источников, в числе которых были и ранее не вводившиеся в научный оборот материалы. Это летописи, договорные грамоты, дипломатическая переписка, родословные записи. Но в основном его работа выполнена на основе опубликованных дипломатических источников⁴, то есть тех документов, которые как раз не использовал Худяков. Именно поэтому, полагаю, работа Базилевича актуальна до сих пор.

Иногда А. В. Аксанов ссылается на издания источников, которые явно устарели, и пользоваться ими специалисты не рекомендуют, к примеру, на «Продолжение древней российской вивлиофики» (ПДРВ), изданной в XVIII веке⁵. При этом некоторые из публикаций ПДРВ были в последнее время переизданы на современном уровне, и автору эти публикации известны⁶. В ряде случаев автор просто использует предыдущее издание источника в ущерб более современному и качественному⁷. А. В. Аксанов упустил некоторые важные публикации источников, в частности, указывая на с. 47, что «многие документы посольского архива XV–XVI вв. опубликованы» и приводя эти публикации, автор забыл указать важные публикации⁸. Зачастую автор книги ссылается на ранние работы авторов, неоднократно писавших по одному и тому же вопросу. Предпочтительными являются ссылки на более поздние исследования.

Жанр рецензии изначально располагает к критическому взгляду, хотя работа А. В. Аксанова содержит в себе намного больше плюсов,

чем минусов. К примеру, А. В. Аксанов тонко подмечает нюансы терминологии летописцев, позволявшие заказчикам летописей – политической элите Московского княжества – легитимировать свои устремления в отношении земель, ранее никогда им не принадлежавших. Говоря о событиях июня-июля 1546 г., когда казанцы лишили престола сначала московского ставленника Шах-Али, а затем представителя Крымского ханства Сафа-Гирея (то есть дважды совершили однопорядковое действие), автор пишет: «Официальные книжники показали, что за короткое время казанцы дважды совершили переворот. Причем, по их формулировке, Сафа-Гирея «согнали», а Шах-Али «изменили», то есть власть последнего была законной. В первом случае смена власти стала следствием неоправданных гонений со стороны хана после похода воевод на казанские земли, и виновником случившегося выставлялся Сафа-Гирей. Другое дело – Шах-Али, который был законным правителем (сел на трон по нормам «правды») и лишился ханского престола в результате «измены»» (с. 187).

Книга написана хорошим слогом и грамотным русским языком; ее приятно читать.

В своей книге А. В. Аксанов достаточно четко обозначил, чему не стоит верить в летописных известиях по вопросу межгосударственных отношений между Казанью и Москвой в средние века. Автор «отсеял» не относящуюся к политическим реалиям информацию летописцев, отделив «зерна от плевел». Эта работа весьма ценна и полезна исследователям проблематики.

Публикация подготовлена в рамках поддерживаемого РФФИ и Республикой Татарстан научного проекта «Христианский фактор в политических и социокультурных процессах в Среднем Поволжье и Приуралье в XIII–XVI вв.» (проект № 18-49-160008).

Примечания

¹ Данилевский И. Н. Повесть временных лет : Герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М., 2004 ; *Его же*. Исторические источники XI–XVII веков // Источниковедение : Теория. История. Метод. Источники

русской истории. М., 1998. См. и др. его работы.

- ² *Pelenski J.* Russia and Kazan. Conquest and Imperial Ideology (1438–1560s). The Hague. P., 1974.
- ³ *Базилевич К. В.* Внешняя политика русского централизованного государства : Вторая половина XV в. М., 1952.
- ⁴ Сборник императорского Русского исторического общества. СПб., 1882. Т. 35 ; СПб., 1884. Т. 41.
- ⁵ Продолжение древней российской вивлиофики. СПб., 1786–1801. Ч. I–XI.
- ⁶ К примеру, см.: Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. Казань, 2006.
- ⁷ К примеру, автор использует : *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. Имеется более современная версия издания : *Герберштейн С.* Записки о Московии : в 2 т. М., 2008. Т. I.
- ⁸ Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв. Симферополь, 1891 ; *Лашков Ф. Ф.* Статейный список московского посланника в Крым Ивана Судакова в 1587–1588 гг. // Известия Таврической ученой архивной комиссии (ИТУАК). 1891. № 14. С. 41–80 ; *Его же*. Статейный список московского посланника в Крым Семена Безобразова в 1593 гг. // ИТУАК. 1892. № 15. С. 70–94 ; Путешествия русских послов XVI–XVII вв. : Статейные списки. М. ; Л., 1954 ; Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. Махачкала, 1995 ; Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой (1576 г.). М., 2003 ; *Моисеев М. В.* К истории выезда татар в Россию в XVI веке // Русский дипломатарий : в 10 вып. М., 2003. Вып. 9. С. 270–272 ; *Комисаренко А. И., Моисеев М. В.* Астраханское ханство по документам ногайской посольской книги за 1551–1556 гг. // Исторический архив. 2004. № 2. С. 199–209.

Б. Р. Рахимзянов,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Института истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан